

ТАМБОВСКІЯ ЕПАРХІАЛЬНЫЯ

ВЪДОМОСТИ.

1 Февраля

№ 3.

1869 года.

Выходятъ два раза въ мѣсяцъ: 1 п 15 числа, съ Июля 1861 года Цѣна за годовое изданіе 4 р. 25 к. сереб. съ пересылкою.	Подписка принимается въ Редакціи Вѣдомостей при Тамбовской Духовной Семинаріи и у всѣхъ Благочинныхъ Тамбовской Епархіи.
--	---

I.

РАСПОРЯЖЕНІЯ ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ.

Указы Святѣйшаго Правительствующаго Синода:

а) отъ 28 ноября 1868 г. *О кончинѣ Преосвященнаго
Іосифа, Митрополита Литовскаго.*

По указу ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА, Святѣйшій Правительствующій Синодъ слушали телеграмму Епископа Ковенскаго Іосифа, Викарія Литовской епархіи отъ 23 ноября, о кончинѣ Преосвященнаго Іосифа, Митрополита Литовскаго и Виленскаго и, — между прочимъ, — Приказали: О кончинѣ Преосвященнаго Митрополита Іосифа поставить въ извѣстность всѣхъ въ Имперіи Епархіальныхъ Преосвященныхъ циркулярными указами въ той увѣренности, что они, по полученіи такового извѣстія, не преминутъ вознести молитвы свои къ престолу Всевышняго о упокоеніи души почившаго Іерарха, оказавшаго столь важныя заслуги Православной Церкви и Отечеству.

Вслѣдствіе сего указа, Тамбовское Епархіальное начальство приглашаетъ симъ духовенство епархіи и другихъ подвѣдомственныхъ ему лицъ совершить панихиду о упокоеніи души почившаго Іерарха, въ первый воскресный день, по полученіи такового приглашенія.

б) отъ 31 декабря 1868 г. *По ВЫСОЧАЙШЕМУ повелѣнію. О размѣръ прогонныхъ денегъ Протоіереймъ.*

По указу ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА, Святѣйшій Правительствующій Синодъ слушали предложеніе Господина Синодальнаго Оберъ-Прокурора, отъ 13 декабря 1868 г. за № 13522, о томъ, что ЕГО ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЕЛИЧЕСТВО ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОРЪ, по всеподданнѣйшему докладу его, Господина Оберъ-Прокурора, въ 10 день декабря, Высочайше повелѣть соизволилъ: Протоіереймъ всѣхъ вообще епархій, при разъѣздахъ назначать прогонныя деньги на три лошади, исключая Протоіереевъ, присутствующихъ въ Святѣйшемъ Синодѣ, коимъ прогоны назначать по прежнему на десять лошадей. *Справка:* Святѣйшій Синодъ, имѣя въ виду, что по штатамъ, Высочайше утвержденнымъ 27-го декабря 1867 года, раздѣленіе епархій на классы отмѣнено и принимая въ соображеніе, что на основаніи ст. 480 Т. III Уст. о служб. Прав. (изд. 1257 г.) при отправленіи къ должностямъ прогонныя деньги исчисляются не по мѣсту, на какое кто опредѣленъ, а по чинамъ и класснымъ званіямъ, въ коихъ каждый дѣйствительно состоитъ, опредѣленіемъ отъ 1/16 ноября 1868 года предоставилъ Господину Синодальному Оберъ-Прокурору испросить Высочайшее ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА разрѣшеніе, чтобы Протоіереймъ всѣхъ вообще епархій, при разъѣздахъ, назначать прогонныя деньги на три лошади, исключая присутствующихъ въ Святѣйшемъ Синодѣ, коимъ прогоны назначать по прежнему на 10-ть лошадей. Приказали: О Высочайшемъ ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА повелѣніи, изъясненномъ въ настоящемъ предложеніи, дать знать по духовному вѣдомству, для руководства, печатными указами.

в) отъ 31 декабря 1868 г. *О назначеніи пенсїи нѣкоторымъ лицамъ епархіальнаго вѣдомства, съ приложеніемъ вѣдомости.*

По указу ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА, Святѣйшій Правительствующій Сѣнодь слушали составленныя въ Сѣнодальной Канцеляріи, на основаніи поступившихъ въ теченіе ноября мѣсяца представленій Епархіальныхъ начальствъ, двѣ вѣдомости о лицахъ Духовнаго знанія: 1) коимъ за службу по Епархіальному вѣдомству предполагается назначить пенсїи; 2) для назначенія коимъ пенсїи требуется разныхъ дополнительныхъ свѣдѣній. Приказали: По рассмотрѣніи означенныхъ вѣдомостей Святѣйшій Сѣнодь опредѣляетъ: утвердить оныя и расслать при указахъ, съ приложеніемъ изъ оныхъ выписокъ, по принадлежности Епархіальнымъ Архіереямъ, для объявленія лицамъ, которымъ пенсїи назначены, размѣра сихъ пенсїй, съ котораго времени и откуда онѣ назначаются; а равно и для исправленія тѣхъ недостатковъ, или для доставленія тѣхъ свѣдѣній, за неимѣніемъ коихъ въ виду, Святѣйшій Сѣнодь не можетъ опредѣлить правъ на пенсїи лицъ, поименованныхъ въ 3-й изъ вышеуказанныхъ вѣдомостей. Настоящее опредѣленіе, для должныхъ распоряженій по Хозяйственному Управленію передать въ сіе Управленіе, на время надобности, подлинникомъ, вмѣстѣ съ подлинною вѣдомостью о вновь назначенныхъ пенсіонерахъ Духовнаго вѣдомства.

ВѢДОМОСТЬ

о лицахъ Духовнаго званія, коимъ за службу по Епархiальному вѣдомству назначаются пенсiи.

За Ноябрь 1868 г.

№ и число представле- нiя Епархi- альнаго На- чальства.	Какой Епархiи, зва- нiе, имя и фамилiя.	Размѣръ пенсiи въ годъ.	Съ какого вре- мени и изъ ка- кого Казначей- ства пенсiя на- значается.
<i>Тамбовской:</i>			
№ 11747, ноября 13.	Шацкаго уѣзда се- ла Новоселокъ заштатный священникъ Василiй Аладинскiй.	90 руб.	Съ 13 сентяб- ря 1868 года. изъ Шацкаго уѣзднаго.
	Козловскаго уѣзда села Сычевки заштатный священникъ Симеонъ Покровскiй	90 руб.	Съ 25 сентяб- ря 1868 года изъ Козловска- го уѣзднаго.
	Соборный въ г. Бори- соглѣбскѣ церкви заштатный протоiерей Артемiй Оржев- скiй.	90 руб.	Со 2 ноября 1868 г. изъ Бори- соглѣбскаго уѣзднаго.

II.

ИЗВѢСТІЯ И ОБЪЯВЛЕНІЯ.

ОТЧЕТЫ

о приходѣ, расходѣ и остаткѣ денежныхъ суммъ
по Тамбовскому Училищу двѣицъ духовнаго званія:

1) За 1866 годъ.

Приходъ.

Отъ 1865 года къ 1866 году осталось:

а) Наличными деньгами	690 р. 90 к.
б) Въ билетѣ	1348 р. —

Въ 1866 году поступило въ приходъ:

1. Отъ сдачи въ арендное содержа- ніе земли, училищу принадлежащей.	277 р. 22 ¹ / ₂ к.
2. Отъ процентовъ съ суммы г. Трунцевскаго	315 р. 32 к.
3. Отъ духовнаго Попечительства.	988 р. 72 к.
4. Отъ процентовъ съ кошельковой суммы	837 р. 61 ¹ / ₂ к.
5. Отъ редакціи Тамбовскихъ Епар- хіальныхъ вѣдомостей	1000 р. —
6. Отъ пожертвованій священноцер- ковнослужителей, монастырей и пусты- ней	2687 р. 63 ¹ / ₂ к.
7. отъ благотворителей разныхъ со- словій	130 р. —
8. Отъ взноса пансіонерокъ	865 р. —

Итого въ 1866 году въ при-
ходъ поступило: семь тысячъ
сто одинъ рубль и пятьдесятъ

одна съ пол. копѣйка	7101 р. 51 ¹ / ₂ к.
а) съ остаточными	7792 р. 41 ¹ / ₂ к.
б) въ билетѣ	1348 р. —

Расходъ.

1. На пищу и одежду воспитанницъ	3090 р. 47 ¹ / ₂ к.
2. На жалованье служащимъ.	1304 р. 75 к.
3. На писемоводителя и канцелярскіе расходы	63 р. 30 к.
4. На учебныя и рукодѣльныя пособия	186 р. 96 ¹ / ₂ к.
5. На содержаніе дома съ отопленіемъ и освѣщеніемъ	2343 р. 28 к.
На больницу	41 р. 38 к.

Итого въ 1866 году въ расходѣ. 7030 р. 15 к.

Затѣмъ къ 1867 году осталось: н-личными

а) Отъ собранной и жертвенной суммы	71 р. 36 ¹ / ₂ к.
б) Отъ продажи книгъ архіепископа Филарета	690 р. 90
в) Въ билетѣ	1348 р. —

Подлинный подписали: Члены Управленія: Протоіерей *И. Москвинъ*. Казначей Протоіерей *Алексій Соколовъ*. Дѣлопроизводитель *Розановъ*.

1868 года декабря 18 дня. Отчетъ сей за 1866 годъ о приходѣ, расходѣ и остаткѣ суммъ принадлежащихъ училищу дѣвицъ духовнаго званія въ ревизионномъ комитетѣ свидѣтельствовать, и по свидѣтельству оказался въ счетѣ суммъ и съ приходо-расходными книгами, вѣрнымъ.

Члены ревизионнаго комитета: Троицкій іерей *Василій Адамовъ*. Троицкій іерей *Іоаннъ Новосельскій*. Училища дѣвицъ духовнаго званія священникъ *Иванъ Боголюбовъ*.

2) За 1867 годъ.

Приходъ.

Отъ 1866 года къ 1867 году осталось:

Налич- ными.	} а) Отъ собранной и жертвенной суммы	71 р. 36 ¹ / ₂ к.	
		б) Отъ продажи жертвенныхъ книгъ	690 р. 90 к.
			в) Въ билетъ

Въ 1867 году поступило въ приходъ:

1. Отъ сдачи въ арендное содержа- ніе земли, училищу принадлежащей	269 р. 43 ³ / ₄ к.
2. Отъ процентовъ съ суммы г. Трунцевскаго	315 р. 32 к.
3. Отъ духовнаго Попечительства	1200 р. —
4. Отъ процентовъ съ кошелевковой суммы	783 р. 78 ¹ / ₂ к.
5. Отъ Редакціи Тамбовскихъ Епа- рхіальныхъ вѣдомостей	500 р. —
6. Отъ пожертвованій священноцер- ковнослужителей, монастырей и пусты- ней	2620 р. 66 ¹ / ₂ к.
7. Отъ благотворителей разныхъ со- словій	566 р. 59 к.
8. Отъ взноса своекоштныхъ воспи- танницъ	943 р. 28 к.

Итого въ 1867 году въ приходъ

поступило	7208 р. 7 ³ / ₄ к.
а) съ остаточными	7971 р. 34 ¹ / ₄ к.
б) Въ билетъ	1348 р. —

Расходъ.

1. На содержаніе пищею и одеждою.	2885 р. 64 ¹ / ₂ к.
2. На жалованье служащимъ.	1482 р. 25 к.
3. На письмоводителя и канцелярскіе расходы	61 р. 50 к.
4. На учебныя и руководъльныя по- собія	132 р. 70 к.
5. На содержаніе дома съ отоплені- емъ и освѣщеніемъ	1687 р. 16 к.
6. На больничные расходы	287 р. 43 к.

Итого въ 1867 году въ расходѣ. 6536 р. 68¹/₂ к.

За тѣмъ къ 1868 году осталось:

Налич- ными	} а) Отъ собранной и жертвенной суммы.	743 р. 75 ³ / ₄ к.	
		б) Отъ продажи жертвенныхъ книгъ	690 р. 90 к.
			в) Въ билетѣ

Подлинный подписали: Члены Управленія: Протоіерей
И. Москвинъ. Казначей Протоіерей *Алексій Соколовъ*. Дѣло-
производитель *Розановъ*.

1868 года декабря 18 дня. Отчетъ сей за 1867 годъ о приходѣ, ра-
сходѣ и остаткѣ суммъ, принадлежащихъ училищу дѣвицъ духовнаго зва-
нія, въ ревизіонномъ комитетѣ свидѣтельствованъ и по свидѣтельству въ сче-
тѣ суммъ и съ приходъ-расходными книгами, оказался вѣрнымъ.

Члены ревизіоннаго комитета Троицкій іерей *Василій Адамовъ*. Троицкій
іерей *Іоаннъ Новосельскій*. Училища дѣвицъ духовнаго званія священникъ
Иванъ Боголюбовъ.

Редакторъ: Протоіерей *Іоаннъ Москвинъ*.

Съ дозволенія цензуры. 13 Февраля 1869 года.

Тамбовъ. Въ Губернской Земской Типографіи.

ПРИБАВЛЕНІЕ

КЪ

ТАМБОВСКИМЪ ЕПАРХІАЛЬНЫМЪ

ВЪ ДОМОСТЯМЪ.

1 Февраля

№ 3.

1869 года.

ВЪСТИ СЪ ВОСТОКА.

II.

Письмо бывшаго мѣстоблюстителя патриаршаго Александрійскаго престола архимандрита Евгенія къ редактору греческой газеты, „Византия“.

Милостивый государь!

Въ разныхъ газетахъ мы прочли какое-то окружное посланіе, появившееся сначала въ Giornale di Roma, обнародованное будто бы его святѣйшествомъ архіепископомъ Римскимъ, адресованное къ епископамъ Восточныхъ Церквей, не состоящихъ въ общеніи съ святымъ престоломъ, и приглашающее ихъ на объявленный его святѣйшествомъ вселенскій соборъ, для возстановленія, при содѣйствіи ихъ, древняго согласія и единенія всѣхъ церквей Господа нашего Иисуса Христа.

Не смотря на указанные специфическіе признаки посланія, не смотря на то, что оно трактуеть о предметъ столь важномъ и обнародовано въ официальной римской газетѣ, мы однакоже затрудняемся думать, чтобы оно возникло изъ разумной и много-опытной головы его святѣйшества и просвѣщеннаго сонма его іерарховъ, такъ какъ

оно, вмѣсто того, чтобы носить на себѣ весь требуемый для такого рода посланія формы, не только ихъ не имѣеть, но и облечено, съ начала до конца, въ отвратительныя лохмотья люциферовской гордости на мѣсто величественной багряницы истинной и искренней любви во Христв.

Тѣмъ не менѣе мы считаемъ нужнымъ сдѣлать нѣсколько открытыхъ замѣчаній, по предмету упомянутаго посланія, хотя бы для того только, чтобы дать поводъ болѣе острому и способному перу лучше насъ разобрать этотъ важный предметъ.

Прежде всего замѣтимъ, что его святѣйшеству, папѣ римскому, должно быть очень хорошо извѣстно, что какъ западная церковь, такъ и восточныя, имѣють представителей равночестныхъ архіепископу римскому, пользующемуся сравнительно съ ними только почетнымъ старшинствомъ, и слѣдовательно онъ долженъ бы былъ писать къ нимъ, какъ къ равночестнымъ о Христв братьямъ, а не приглашать ихъ чрезъ одно лишь напечатанное въ газетахъ окружное посланіе, и не обращаться къ нимъ какъ бы къ простымъ, подвѣдомственнымъ ему епископамъ. Далѣе, ему слѣдовало бы ясно и точно опредѣлить въ немъ тотъ вопросъ, разсмотрѣніемъ котораго имѣеть заняться сей вселенскій соборъ. Затѣмъ онъ долженъ бы былъ достаточно развить этотъ вопросъ и указать неотложную надобность въ общемъ разсмотрѣніи и рѣшеніи его; и уже послѣ всего этого, должно было бы, съ общаго согласія, назначить мѣсто и время для созванія собора. Но такъ какъ всего этого не было сдѣлано, то какой благородный и сознающій свое достоинство епископъ, какой бы то ни было изъ восточныхъ церквей, будетъ въ состояніи приложить ухо къ такому темному, неопредѣленному, надменному и неоформенному приглашенію? Думаемъ, что ни одинъ.

Что же касается до единенія, то если кто скорбитъ и

горько оплакиваетъ печальный фактъ раздѣленія церковей Господа нашего Иисуса Христа, такъ это православная восточная церковь, которая, „пребывая въ томъ, чему научена и что ей вѣрено, зная отъ кого научена“, тщетно говорила искренно и братолюбиво на соборахъ, упоминаемыхъ симъ окружнымъ папскимъ посланіемъ, и при многихъ другихъ обстоятельствахъ, а церковная и политическая исторія ясно свидѣтельствуетъ, что восточная церковь, ограничивши кругъ своей канонической дѣятельности чисто духовною сферою, никогда не увлекалась страстью къ преобладанію, никогда не допускала нововведеній, но, послѣдуя повелѣнію Господа нашего „воздавать Кесарева Кесареви, а Божію Богови“, хранить въ чистотѣ и неповрежденности священный залогъ православной христіанской вѣры и сохранить оный, съ Божіею помощію, до скончанія вѣковъ, какъ пріяла оный отъ Божественнаго Основателя и отъ Святыхъ и досточтимыхъ Вселенскихъ Соборовъ. Такимъ образомъ восточная церковь будетъ первая радостнымъ гласомъ привѣтствовать древнее единеніе церковей, когда увидитъ, что оно удобосовершимо и что предлагается искренно и о Христвъ: но, къ несчастію, этихъ-то именно свойствъ и недостаетъ окружному посланію римскаго первосвященника.

Изъ приемовъ и тона этого окружнаго посланія слѣдуетъ одно изъ двухъ: либо пишущій желаетъ показать, что онъ озабоченъ исполненіемъ обязанностей, впрочемъ только предполагаемыхъ, на самомъ же дѣлѣ вовсе на немъ не лежащихъ, которыми онъ старается овладѣть по страсти къ первенству; либо онъ имѣетъ цѣлью, посредствомъ представительства восточной церкви на соборѣ дать больше вѣса главному, намъ не извѣстному и отъ насъ скрытому, предмету, для котораго собственно онъ и созываетъ упоминаемый здѣсь соборъ.

Если онъ желаетъ перваго, то да вѣдаетъ его свя-

тѣишество, что никто не потребуеть отъ него отчета за духовныхъ овецъ, пасомыхъ другими пастырями, и съ этой стороны совѣсть его можетъ быть вполне спокойною. Если же онъ желаетъ втораго, то да будетъ онъ увѣренъ, что восточная православная церковь, какъ доселѣ не была, такъ и въ грядущемъ никогда не будетъ орудіемъ властолюбивыхъ и мірскихъ цѣлей и предназначаній западной церкви, — никогда не наложитъ она на чистое чело свое такого пятна, и да не мечтасть Пій IX обмануть іерарховъ восточной церкви, скрывая отъ нихъ настоящій предметъ и цѣль собора подъ блестящею и позолоченою прилавкой *Едипенія*; смыслъ его продѣлокъ слишкомъ хорошо извѣстенъ всѣмъ и, вслѣдствіе этого, онѣ къ несчастью ведутъ только къ тому, что возмущаютъ совѣсть и порождаютъ въ массахъ холодность и равнодушіе къ вѣрѣ, нисколько не согрѣвая сердце его пасомыхъ.

Когда, напримѣръ, за нѣсколько лѣтъ предъ симъ, онъ провозгласилъ и созвалъ соборъ изъ всѣхъ католическихъ епископовъ, повидимому, для возведенія въ догматы безпорочнаго зачатія Святыя Дѣвы и Богоматери, то оказалось, что этотъ мнимый вопросъ былъ только предложомъ; на самомъ же дѣлѣ, какъ онъ, такъ и его окружающіе, видя, что новѣйшія идеи съ каждымъ днемъ развиваются и возстановляютъ какъ отдѣльныхъ лицъ, такъ и многіе кабинеты противъ свѣтской власти римскаго первосвященника, хотѣли узнать отъ собравшихся архіереевъ, на сколько можно разсчитывать на деньги и кулаки народныхъ массъ, для отраженія нападѣній на свѣтскую власть папы, если бы такія нападѣнія были сдѣланы. На другомъ соборѣ, сознаннымъ имъ въ слѣдъ за тѣмъ, онъ намѣревался, какъ увѣряла его пригласительная энкиклика, канонизовать разныхъ святыхъ и мучениковъ, между тѣмъ результатомъ этого собора былъ тотъ пресловутый и деспотическій Силлабусъ, который до того скандализи-

роवालъ западныхъ христіанъ, что и самыя дружески къ нему расположенныя вѣнчанныя главы вынуждены были запретить официальное обнародованіе этого страннаго документа для успокоенія разсвирѣпѣвшихъ умовъ.

Кто поручится, что и теперь, когда его святѣйшее видитъ, что свободныя и истинно христіанскія идеи все больше и больше утверждаются, а его мірское царство съ каждымъ днемъ обрѣзывается и мірская его власть готова испустить послѣднее дыханіе, кто поручится, повторяемъ, что и теперь истинная цѣль собора не есть какое либо злоумышленіе противъ католическихъ народовъ, въ которое онъ хочетъ втянуть, въ качествѣ соучастниковъ, епископовъ восточной церкви, всегда держащихся въ сторонѣ отъ всякихъ притязаній на мірское преобладаніе.

Но предположимъ на минуту, что Пій IX, приближаясь къ гробу, дѣйствительно чувствуетъ угрызенія совѣсти, помышляя о томъ злѣ, какое нанесено церкви Христовой маніей его предмѣстниковъ къ первенству, и что онъ горячо желаетъ единенія; тѣмъ не менѣе можетъ ли оно состояться, даже при добромъ желаніи и сердечной непрерывной молитвѣ о семъ восточной церкви? Нѣтъ; потому что для достиженія чего либо подобнаго, необходимо во первыхъ устранить причины, повлекшія за собою раздѣленіе. Въ самомъ дѣлѣ, справляясь съ исторіей, мы видимъ, что сѣмена раздѣленія начали проростать одновременно съ тѣмъ, какъ архіепископъ римскій, не довольствуясь предѣлами своей духовной юрисдикціи, началъ захватывать и мірскую власть и къ кресту прилагать мечъ; видимъ, что чѣмъ болѣе дѣлала успѣховъ его свѣтская власть, тѣмъ притязательнѣе онъ становился къ другимъ церквамъ, требуя отъ нихъ рабскаго поклоненія, и вслѣдствіе этого тѣмъ болѣе дѣлала успѣховъ схизма, которая наконецъ и совершилась, когда первосвященникъ римскій уже открыто выступилъ съ претензіями неограниченнаго

владыки всѣхъ прочихъ церквей и потребовалъ подчиненія себѣ отъ равночестныхъ и равныхъ ему предстоятелей православной восточной церкви. Тщетно отцы восточной церкви воцѣили тогда противъ такого притязанія; тщетно напоминали западной церкви внушительную заповѣдь нашего Господа: „желающій быть первымъ, да будетъ послѣднимъ“; тщетно указывали на проистекавшія отсюда пагубныя слѣдствія: гечось ихъ былъ гласомъ воцѣющаго въ пустынь, римская церковь евангельскому равенству предпочла первенство и мірскую власть и единенію церквей схизму. А какъ она пользовалась этою властію и этимъ превозношеніемъ надъ христіанскимъ обществомъ и даже надъ коронованными главами, и какъ необузданная надменность и ненасытное любостыжаніе сдѣлали ее виновницею и другой схизмы,— объ этомъ пусть повѣдаетъ исторія.

Правда, единеніе церквей; о которомъ мы горячо молимся, имѣеть за себя въ нашъ вѣкъ много вѣроятностей: потому что развитіе наукъ и искусствъ, обобщеніе свободныхъ идей, связь установившаяся между разными народами путемъ матеріальныхъ интересовъ, оцутительное уменьшеніе фанатизма, усиливающейся съ каждымъ днемъ у всѣхъ народовъ духъ вѣротерпимости, все это предуготовляетъ и дѣлаеть возможнымъ и удобосовершимымъ единеніе, которое съ Божіею помощію и совершится: но это будетъ тогда, когда римскій Pontifex maximus волею неволею лишится своей свѣтской власти и останется лишь духовнымъ главою своихъ духовныхъ чадъ, потому что тогда и самое догматическое разногласіе можетъ быть устранено путемъ историческаго изслѣдованія. Но объ этомъ мы скажемъ въ другой разъ; теперь же у насъ рѣчь о томъ только, что сама исторія ясно свидѣтельствуетъ, кѣмъ и изъ-за чего сдѣланы нововведенія.

И такъ пока дѣла остаются въ томъ видѣ, какъ они

теперь въ западной церкви, пока она, вмѣсто меча духовнаго, „который есть глаголь Божій“, предпочитаетъ употреблять мечъ палача, чтобъ казнить духовныхъ чадъ своихъ для поддержанія власти міра сего, власти, совершенно противорѣчащей Божественному духу ученія Великаго Учителя, слѣдовательно власти противохристіанской, пока не отложитъ гордости и люциферовской надменности, до тѣхъ поръ, къ несчастію, ничего не будетъ. Отъ нея это зависитъ, если она искренно того желаетъ.

Восточная же православная церковь, глубоко, отъ всего сердца скорбя о надменности и упорствѣ римскаго первосвященника, будетъ продолжать денно и ношно молиться Отцу міра и любви, дабы Онъ вложилъ благія мысли и чувства въ сердце его святѣйшества и его іерарховъ, да, отложивъ всякое мечтаніе неподобное и оставивъ извилистый и скользкій путь, выйдутъ на прямую стезю Господню къ соединенію всего христіанскаго исполненія, во славу Святой Христовой церкви, на радость, спасеніе и лигованіе всѣхъ вѣрующихъ во Иисуса Христа, аминь!

Архимандритъ Евгеній Ксиропотамскій.

Константинополь

5-го октября 1868 года.

(Изъ Декабр. книж. Христ. Чтен. за 1868 г.)

ФИЛОСОФСКІЯ РАЗМЫШЛЕНІЯ

О

БОЖЕСТВЕННОСТИ ХРИСТІАНСКОЙ РЕЛИГІИ,

Огюста Шиколя.

II.

О лицѣ Іисуса Христа.

1. «Христіанство, даже съ точки зрѣнія философіи, не есть чистое произведеніе разума чело-вѣческаго; оно прежде всего есть фактъ, и, притомъ, фактъ, больше всѣхъ имѣющій значеніе въ исторіи. Средоточіе этого факта есть лице Іисуса Христа,—Христа въ томъ именно видѣ, какъ представляетъ Его Евангеліе».—Слова Шеллинга.

Этому-то положительному факту обязанъ великій мыслитель тѣмъ, что оставилъ свои заблужденія въ области сомнѣнія, обратился къ истинѣ и искалъ въ ней успокоенія.

Пусть философствуютъ и говорятъ, какъ угодно; но христіанство есть фактъ, котораго существованіе отрицать было бы въ высшей степени нелѣпо; скрывать этъ себя неизмѣримое значеніе его было бы смѣшно, а необходимо составить себѣ опредѣленное о немъ понятіе, котораго и слѣдуетъ держаться.

На этой землѣ, которая насъ носитъ, изъ всѣхъ людей, на ней жившихъ и оставившихъ слѣды своего существованія, было одно лице, которое явилось, говорило, дѣйствовало, котораго видѣли, слушали, осязали; мѣсто, эпоха, время Его жизни, главные отличительные ея факты, все это извѣстно до точности, положительно, какъ

фактъ, находящійся у насъ предъ глазами. Глупо было бы сомнѣваться въ существованіи Сократа и главныхъ событіяхъ его жизни, но не подлежащія сомнѣнію событія въ жизни Сократа менѣе засвидѣтельствованы, чѣмъ событія изъ жизни Иисуса Христа. (*)

Сократъ, Александръ вел., Цезарь, Карлъ вел. и всѣ прочіе, существованіе которыхъ несомнѣнно засвидѣтельствовано вліяніемъ, произведеннымъ ими на міръ,—всѣ эти великіе люди давно уже сдѣлались достояніемъ только исторіи. Послѣ того какъ только они отжили свой вѣкъ, уступили мѣсто дѣйствія другимъ, на смѣну которыхъ выступили въ свое время другіе дѣятели, много если какой другъ, или вѣрный ученикъ съ грустію воспоминалъ о нихъ въ продолженіе одного поколѣнія. Самая зависть человѣческая не находила себѣ пици въ воспоминаніи объ нихъ. Хладнокровное потомство, по самому безпристрастію своего суда, предало рѣшительному забвенію прекратившееся существованіе ихъ на сей землѣ. Не станемъ ходить далеко: между людьми настоящими было лице, очень способное составить предметъ нашихъ сужденій, и какъ бы само себя къ тому выставившее, это—Наполеонъ. Какую пріобрѣлъ онъ славу, и куда она не распространилась? Какихъ великихъ событій былъ онъ виновникомъ или участникомъ? Являлась ли когда жизнь человека столь размашиста, столь неудержима, столь кипуча дѣятельностію, замыслами самими гигантскими? Мы его видали; и чтоже? сколько между нами такихъ, которые могутъ сказать объ немъ: ка-

(*) J. J. Rousseau *Émile*, liv. IV.

кое мнѣ дѣло до прошлаго, его уже нѣтъ? И въ комъ теперь возбуждается сердечное участіе къ нему? Онъ навсегда сошелъ въ свое ничтожество, и мраморъ, покрывающій его смертныя останки, кажется не столько холоднѣе, сколько при взглядѣ на нихъ остаются равнодушными люди.

Что касается лица Иисуса Христа, то совершенно иная достовѣрность и иная судьба соединены съ Его жизнію,—достоверность и судьба, единственныя въ своемъ родѣ. Уже осьмнадцать вѣковъ протекло съ тѣхъ поръ, какъ онъ жилъ на землѣ, но можно сказать, что онъ еще и не сходилъ съ нея, еще занимаетъ свое мѣсто, *всегда предъ нашими глазами*. Съ тѣхъ поръ миллионы людей положили свою жизнь за Него, а другіе враждуютъ противъ Него. Вездѣ о немъ идетъ дѣло; то нападаютъ на Него, то Его защищаютъ, то молятся Ему и, въ сущности, Онъ есть главный предметъ всѣхъ изслѣдованій челоуѣчества, всѣхъ рѣшеній, всѣхъ его симпатій и антипатій. Исторія еще не могла завладѣть Имъ; потомство для Него еще не настало; и въ настоящее время нельзя еще найти руку, которая бы могла хладнокровно написать портретъ Его. За одними Евангелистами остается доселѣ неподражаемое преимущество этого высокаго безпристрастія.

«Мы послѣдователи Распятаго, и не отступимъ предъ послѣдователями Вольтера», сказалъ недавно въ одушевленной рѣчи благородный пэръ, съ высоты первой трибуны въ мірѣ; и эти слова были приняты на страницы всѣхъ органовъ общественнаго мнѣнія во Франціи и Европѣ, какъ обнаруженіе борьбы, продолжающейся въ современ-

номъ духъ, предметъ которой Иисусъ Христосъ. Эта борьба не есть искусственное возрожденіе древняго состоянія, но непрерывное продолженіе той самой борьбы, которая разразилась около самаго Иисуса Христа и противъ Него, еще во время Его земной жизни, привела Его на казнь, заставляла Его говорить своимъ ученикамъ: *держите, яко Азъ побѣдихъ мїръ*, и не прекращалась до нашихъ дней. *Вольтеръ! Распятый!* анахронизмъ, представляющійся въ сближеніи этихъ двухъ именъ, выражаетъ, съ одной стороны, все безсиліе времени противъ Иисуса Христа, а съ другой — непреложность обѣтованій и неизмѣнность учрежденій Его среди превращеній, непрестанно совершающихся въ предметѣ вѣковъ.

Уничтожьте историческіе памятники; и что станется съ достовѣрностію дѣяній Цезаря? Почти тоже можно сказать и о Наполеонѣ. Между тѣмъ достовѣрность жизни Иисуса Христа пережила бы и подобную катастрофу, потому что она существуетъ въ фактѣ всегда живомъ и дѣйствительномъ. Этотъ фактъ есть Христіанство. Существуетъ ли Христіанство (я разумью здѣсь не одно ученіе, но общество Христіанское со всеми его учрежденіями), оно существуетъ не въ какомъ либо безвѣстномъ уголкѣ, но на всякомъ мѣстѣ, въ Россіи, Греціи, въ Европѣ, за морями, во всемъ мїрѣ. Оно существуетъ не какъ нибудь случайно, поверхностно, норосло съ самыми основаніями жизни Христіанскихъ обществъ, оно составляетъ душу ихъ цивилизаціи, нравовъ, законовъ, обычаевъ, установленій. Мы сами все, волею или неволею, выражаемъ его въ своей жизни, являемся его произведеніемъ, и оно ежедневно рождаетъ въ

насъ новыя идеи, новыя стремленія, для которыхъ само служить и началомъ и руководствомъ. Отрицаться отъ этого, значить — отрицаться отъ себя самаго. Что же? это неизмѣримый и необъятный фактъ, глубже всехъ историческихъ фактовъ пустившій свои корни въ жизнь народовъ, и предъ которымъ все они — только случайность, этотъ фактъ имѣеть средоточіемъ своимъ и исходною точкою лице Иисуса Христа, и только Его одного. Жизнь и дѣянія Иисуса Христа—вотъ первообразъ Христіанства; бесполезно искать другаго; безъ Него Христіанство — ничто, Имъ оно живетъ и существуетъ; Онъ Самъ состоитъ въ непрерывной связи съ вѣрующими во все продолженіе XVIII вѣковъ.

Такимъ образомъ фактъ явленія Иисуса Христа и различныхъ обстоятельствъ, сопровождавшихъ Его жизнь, не есть фактъ преходящій, подобно всемъ прочимъ фактамъ историческимъ, достовѣрность которыхъ утверждается на однихъ безмолвныхъ свидѣтельствахъ, отъ времени потерявшихъ свою жизнь. Это фактъ, непрерывно продолжающійся, всегда существующій, всегда живой и дѣйствующій; онъ и теперь еще продолжается предъ нашими глазами, и всякое дѣло, всякое событіе, имѣющее свое начало въ Христіанствѣ, происходитъ отъ Самаго Иисуса Христа, есть Его собственное.

Прибавимъ, наконецъ, что, судя даже по однимъ соображеніямъ человѣческимъ, есть основаніе съ достовѣрностію утверждать, что это живое свидѣтельство объ Иисусѣ Христѣ, не прекращавшееся въ продолженіе XVIII вѣковъ, не прекратится и на будущее время, и грядущіе самые отдаленные вѣка будутъ видѣть его, какъ и мы,

столь же живымъ и дѣйственнымъ, каково оно теперь и каковымъ было со времени появленія своего въ мѣръ.

Итакъ, съ историческою истинностію свидѣтельство объ Иисусѣ Христѣ не равняется никакая историческая истинность, и существенныя черты, отличающія ее, таковы, что ни къ кому другому изъ всѣхъ людей не могутъ относиться, кромѣ Его одного, и не только даютъ самое положительное понятіе о Его лицѣ, возвышенное и выщечеловѣческое, но, вмѣстѣ съ удостовѣреніемъ въ дѣйствительномъ Его существованіи, несомнѣнно убѣждаютъ и въ Его Божествѣ.

2. Скажемъ вмѣстѣ съ Шеллингомъ, что фактическое свидѣтельство Христіанства о Иисусѣ Христѣ представляетъ Его намъ такимъ именно, какимъ изображаетъ Его Евангеліе.

Въ самомъ дѣлѣ, нѣтъ ничего самостоятельнѣе, опредѣлительнѣе и точнѣе, какъ идея, подъ которою мы представляемъ себѣ Иисуса Христа. Можно прійти въ затрудненіе при изображеніи нравственной физіономіи Сократа или Катона, такъ какъ она болѣе или меньше сходится съ физіономіями ихъ современниковъ и многія черты ихъ нравовъ остаются во мракѣ, почему, быть можетъ, и не мало выигрываютъ отъ этой сомнительной извѣстности. Нѣтъ ничего подобнаго въ отношеніи къ Иисусу Христу. Его свѣтлый ликъ отдѣляется отъ всего прочаго и представляется въ таинственной особности. Нельзя составить двухъ различныхъ понятій о Немъ, и наименовать Его значитъ — созерцать Его такимъ, какимъ представляетъ намъ Его Евангеліе. Надобно также признать, — и это очень замѣчательно, — что евангельское

нравоученіе, въ новѣйшія времена занявшее мѣсто естественнаго закона, состоитъ не столько въ словесныхъ наставленіяхъ Иисуса Христа, сколько въ живомъ примѣрѣ Его дѣяній. Дѣла Его жизни составляютъ какъ бы основаніе общественныхъ нравовъ и образцовую форму, по которой вырабатываются всѣ добродѣтели Христіанскія. Эти дѣла Его такъ свѣтлы и опредѣлительны, что по нимъ мы повѣряемъ и цѣнимъ всякой нравственный поступокъ, подлежащій нашему разсмотрѣнію.

Скажутъ, можетъ быть, что эта фізіономія Иисуса Христа есть только вымысль, составленный самими Евангелистами? Въ отвѣтъ на это довольно одного изреченія: «составитель такого вымысла былъ бы достоинъ больше удивленія, чѣмъ его герой». (*) И сколько причинъ, оправдывающихъ это счастливое выраженіе здраваго смысла, которыя такъ естественны и очевидны, что почти бесполезно перечислять ихъ.

Всѣмъ извѣстна краснорѣчивая страница Жанъ-Жака, которой заключеніемъ служитъ приведенное изреченіе. А вотъ другая страница, написанная въ наше время, съ меньшимъ увлеченіемъ энтузіазма, но съ гораздо большею основательностію и глубиною мысли (истинная вѣра, всегда сопутствуемая здравымъ разумомъ, не имѣетъ нужды въ увлекательности).

«Всегда мнѣ представлялось самымъ сильнымъ доказательствомъ Божест. достоинства евангельской исторіи то, что изображенный въ ней святой, совершеннѣйшій характеръ не только отличается отъ всѣхъ образцовъ нравственнаго совершенства,

(*) J. J. Rousseau, *Émile*, l. II.

какіе писатели этой исторіи имѣли возможность наблюдать, но напротивъ до очевидности имъ противоположенъ. Въ писаніяхъ раввиновъ мы имѣемъ богатые матеріалы для изображенія образцоваго совершенства іудейскаго учителя, знаемъ наставленія и дѣла Гиллея, Гамалеила и раввина Самуила; быть можетъ, всѣ они большею частію вымышлены, но всѣ носятъ печать національныхъ понятій, всѣ составлены по національно-религіозному образцу идеальнаго совершенства. Но, однакожь, ничто не можетъ быть такъ далеко, какъ ихъ понятія, ихъ начала, дѣйствія и характеры отъ понятій, началъ, дѣйствій и характера нашего Искупителя. Страстные охотники до задорныхъ споровъ и обманчивыхъ парадоксовъ, горячіе защитники исключительныхъ началъ своей національности, ревнивые и упрямые сторонники соблюденія малѣйшей буквы закона, и между тѣмъ при своихъ софизмахъ далеко отступившіе отъ его духа,—таковы большею частію эти великіе люди, до точности вѣрная копія тѣхъ книжниковъ и фарисеевъ, которые за упорное противленіе Евангельскимъ началамъ отвержены безвозвратно.

«Какъ же могло случиться, что люди, не получившіе образованія, вздумали представить совершеннѣйшій образецъ нравственнаго характера, во всѣхъ отношеніяхъ отступающій отъ ихъ національныхъ типическихъ понятій, въ противоположность всѣмъ образцамъ, которые признаны наилучшими и освящены обычаями, воспитаніемъ, патриотизмомъ, религіею и природою? Признать подобный образецъ нравственный вымысломъ человѣческимъ представляется еще болѣе труднымъ (хотя нечестіе не затруднилось выдавать подоб-

ную мысль); когда видимъ, что писатели, какъ св. Матѳей и Иоаннъ Богословъ, не смотря на то, что описываютъ совершенно различные факты изъ жизни Иисуса Христа, приводятъ насъ, однакожь, къ одному чѣ тому же представлению Его. Но мнѣ кажется, что здѣсь мы и находимъ ключъ къ разрѣшенію всѣхъ трудностей. Положимъ, что двумъ художникамъ заказано написать картину, которая бы представляла особу, по ихъ понятіямъ, совершеннѣйшей красоты, но съ тѣмъ, чтобы оба они заимствовали для своихъ произведеній черты съ образцовъ и типовъ, совершенно отличныхъ отъ всего, что только доселѣ было извѣстно имъ въ ихъ странѣ; и послѣ всего этого еслибы ихъ картины оказались совершенно сходными между собою; то можно сказать навѣрное, что подобный фактъ, если бы онъ былъ записанъ, доказался бы рѣшительно невѣроятнымъ безъ предположенія, что тотъ и другой художникъ писали свои картины съ одного оригинала».

«Таково же должно быть заключеніе и по отношенію къ евангельской исторіи. Евангелисты, должно быть, также писали копію съ одного и того же живаго образа, нравственный характеръ котораго они представляютъ въ своихъ писаніяхъ, и ихъ согласіе въ нравственныхъ чертахъ изображеннаго ими характера могло произойти только отъ той точности, съ какою они такъ добросовѣстно его списывали. Но отъ этого еще болѣе возрастаетъ наше внутреннее удивленіе. Безъ сомнѣнія, не былъ тоже, что прочіе люди, Тотъ, чей характеръ нравственный отличался отъ всего, признаемаго за высшее совершенство уважаемое всѣми, и кто между тѣмъ, такъ далеко превосхо-

дя все національныя понятія о совершенствѣ нравственномъ, что могъ не заимствовать для своего нравственнаго образованія ничего ни у Индійцевъ, ни у Египтянъ или Римлянъ, и, не имѣя такимъ образ. ничего общаго ни съ какимъ типомъ извѣстныхъ характеровъ, ни съ какими законами признаннаго совершенства, могъ, однакожь, представляться каждому образцемъ превосходства, достойнымъ особенной любви».

Эти основательныя соображенія, равно какъ и вышеизложенныя нами въ сей главѣ, имѣютъ, очевидно, двоякую важность и значеніе: онѣ, съ одной стороны, приводятъ къ признанію дѣйствительной истинности характера Иисуса Христа, а съ другой служатъ основаніемъ къ выводу заключенія о Его Божествѣ, такъ что сколько Божество просіяваетъ въ Его личности, столько же и самая личность Его представляется необходимо дѣйствительною и взаимно показываетъ Его Божество.

Въ самомъ дѣлѣ, не лучшее ли доказательство нѣсомнѣнной дѣйствительности и лица Иисуса Христа заключаются въ той особенноти Его совершеннѣйшаго характера, по которой представляется для человѣка невозможнымъ вымыслить и даже постигнуть такой характеръ? Тѣмъ менѣе возможно, чтобы четыре необразованные писателя, каковы Евангелисты, согласились между собою описать такой характеръ съ такою удивительною вѣрностію самому себѣ, не смотря на все различіе подробностей, и вмѣстѣ съ такимъ непостижимымъ превосходствомъ предъ всѣми образцами нравственными, какіе они могли имѣть у себя предъ глазами. Въ этомъ отношеніи можно сказать, что не только подлинность Евангельской исторіи доказываетъ не-

тинность характера Иисуса Христа, но и Божественное достоинство характера Его доказываетъ, въ свою очередь, истинность Евангельской исторіи.

Въ совершеннѣйшемъ характерѣ Иисуса Христа, какъ онъ изображается въ повѣствованіяхъ евангельскихъ, есть что-то единственное, не доступное никакой изобрѣтательности человѣческаго разума; это его совершенство,—надо обратить на это все вниманіе,—столько высоко и во всѣхъ отношеніяхъ, столь закончено и отчетливо, что не только затмѣваетъ собою все, что только было до него совершеннѣйшаго, но и все, что послѣ того могла произвести самая горячая ревность подражать ему и приближаться къ его высотѣ. Этимъ совершенствомъ характеръ Иисуса Христа отрѣшается, такъ сказать, отъ всякой связи и сравненія съ совершенствомъ человѣческимъ, и, какъ счастливо выразился въ этомъ отношеніи Жанъ-Жакъ Руссо, «если жизнь и смерть Сократа свойственны мудрецу, то жизнь и смерть Иисуса Христа свойственны только Богу».

Люди обыкновенно надѣляются извѣстнаго рода совершенствами такъ, что эти совершенства повторяются въ разныхъ недѣлимыхъ и находятъ въ нихъ свое восполненіе и, можно сказать, превосходятъ сами себя. Такъ, когда спрашиваютъ, кто былъ величайшій полководецъ, тотчасъ одно передъ другимъ выставляются имена Александра Македонскаго, Цезаря, Наполеона; но они не единственные. Когда спрашиваютъ, кто былъ величайшій ораторъ, тотчасъ начинается споръ о Демосвенѣ, Цицеронѣ, Златоустѣ, Боскуэтѣ. На вопросъ: кто былъ величайшій мудрецъ,—кто произнесетъ,

между именами Анаксагора, Сократа, Платона, Солона и другихъ, имя Иисуса Христа? Даже при вопросѣ о большемъ изъ святыхъ, кто произнесетъ Его имя между множествомъ великихъ и прославленныхъ святыхъ? Конечно, никто. И наоборотъ, произнесите имя Иисуса Христа, и все предъ Нимъ скрывается во мракѣ, все, такъ сказать, исчезаетъ, и остается одинъ выщечеловѣческій, ни съ чѣмъ несравнимый образъ Его высочайшаго совершенства. Плутарху, въ его сочиненіяхъ о мужахъ знаменитыхъ, угодно было провести сравнительную параллель между своими героями, и это ему очень удобно было сдѣлать во всѣхъ обстоятельствахъ ихъ жизни; потому что такія обстоятельства всегда возможны между людьми. По отношенію къ Иисусу Христу, можно сказать, это невозможно. Онъ—одинъ и единственный, подобнаго которому нельзя найти никого.

И примите въ полное вниманіе силу этого замѣчанія. Когда человѣкъ отличается дѣйствительнымъ преимуществомъ въ какомъ бы то ни было родѣ совершенства, напр. Боссюэтъ или Мишель Анжъ, такое отличіе его сравнительно съ другими людьми заключается только въ степени, а не въ природѣ сего совершенства; и даже когда представляется, что другіе не достигали такой степени совершенства, то здѣсь еще можно оспаривать это положеніе, а во всякомъ случаѣ противнаго нельзя считать невозможнымъ, по крайней мѣрѣ, можно утверждать, что можетъ быть и противное. Что касается совершенства Иисусъ Христова, то Его превосходство не только безспорно во всѣхъ отношеніяхъ, но надо сказать, что оно ни въ комъ другомъ никогда не вторится. Обращаю ваше внима-

ніе еще на другое замѣчаніе: всѣ великіе люди бывають болѣе или менѣе выраженіемъ своего времени, плодомъ своего вѣка и господствуютъ надъ нимъ, но потому, что сами изъ него вышли, выработаны имъ и составляютъ лучшую, самую здоровую отрасль его жизни; и это такъ справедливо, что ни одинъ великій человѣкъ не является какою либо уединенною личностію, но всегда принадлежитъ великому вѣку. Присоединимъ еще и то обстоятельство, что оригинальность великихъ людей никогда не бываетъ такою исключительностію, что бы въ отличительныхъ чертахъ ихъ добродѣтелей или ихъ генія нельзя было найти какойнибудь примѣси подражанія, которая связываетъ ихъ съ ихъ предшественниками. Такимъ обр. когда говорятъ только о добродѣтельнѣйшихъ людяхъ новѣйшаго времени, о святыхъ, то удобно примѣчать ихъ связь съ Иисусомъ Христомъ; всѣ они — Его послѣдователи и подражатели. Но съ какими предшественниками состоитъ въ связи самъ Иисусъ Христосъ? Кому Онъ подражалъ? Какихъ нравовъ и какого общества былъ Онъ выраженіемъ? «Сократъ, говорятъ, составилъ систему правоученія. Но другіе прежде его исполняли на дѣлѣ правила его нравственности: его заслуга здѣсь только та, что онъ заставилъ разсуждать и говорить о томъ, что другіе дѣлали, обратилъ въ нравственные уроки ихъ примѣры. Аристидъ былъ справедливымъ прежде, нежели Сократъ высказалъ, въ чемъ состоитъ справедливость; Леонидъ пожертвовалъ жизнію за свою родную страну прежде, нежели Сократъ доказалъ обязанность любить свое отечество. Спарта была трезва прежде, нежели Сократъ похвалилъ трезвость; и вообще прежде,

чѣмъ онъ опредѣлилъ, въ чемъ состоитъ добродѣтель, Греція была уже богата людьми добродѣтельными. Но у кого изъ своихъ соотечественниковъ могъ заимствовать Иисусъ ту высокую и чистую нравственность, которой Онъ преподалъ правила и представилъ примѣръ въ собственной жизни? Изъ среды самаго неукротимаго фанатизма слышится самая высокая мудрость; простота несокрушимыхъ, достойныхъ всякаго удивленія добродѣтелей увѣщала презрѣннѣйшій изъ всѣхъ народовъ».

(*) Особенность мудрости Иисуса Христовой коротко можно выразить такъ: она развивается только изъ самой себя, никому и ничему не обязана своимъ началомъ и совершенствомъ. Но не менѣе она отличается своимъ животворнымъ, творческимъ вліяніемъ и дѣйствиємъ. Дѣло до чрезвычайности удивительное, если оно не чисто Божественное. Эта несравненная мудрость, съ которою никакая другая не могла, да и никогда не можетъ сравняться, — въ то же время самая *доступная* и *удобопріемлемая*, — такая, которая наибольше произвела учениковъ. Другіе мудрецы, какъ говоритъ Вольтеръ, не имѣли вліянія даже на *«правы той улицы, въ которой они жили»*, а вліяніе Иисуса Христа простирается на весь міръ, все преобразуется силою Его ученія, дѣлается Христіанскимъ или, по крайней мѣрѣ, стремится сдѣлаться такимъ. Самыя глубокія различія, существующія между людьми, по правамъ, климату, тѣлосложенію, цвѣту, послужившія даже поводомъ къ составленію мнѣній, отвергающихъ естественное единство рода человѣческаго, исчезаютъ предъ этимъ ученіемъ, сливаются

(*) J. J. Rousseau, Emile, l. IV.

въ единство усвоеніемъ его, любовію къ нему, существенно потому, что все находятъ въ немъ самое сильное подтвержденіе того единства своей природы, которое, повидимому, ниспровергается этими различіями. Въ самомъ дѣлѣ, когда мы видимъ послѣдователями Иисуса Христа Грековъ, хотя Онъ не основалъ между ними никакой философской секты,—почитателями Его браминовъ, хотя имъ ученіе о Немъ принесено было людьми, принадлежащими къ кастѣ пастуховъ,—поклонниками Его краснокожихъ жителей Канады, хотя Самъ Онъ принадлежитъ къ презираемой ими породѣ бѣлыхъ; то на основаніи этихъ явленій намъ остается только возможность утверждать, что Ему предназначено свыше ниспровергнуть все раздѣленія между людьми, зависящія отъ цвѣта, тѣлосложенія, климата, нравовъ, обычаевъ, показать въ самомъ себѣ путь и способъ единенія, въ которомъ должны совокупиться все сыны Адама, и въ этомъ нравственномъ объединеніи представить намъ рѣшительное доказательство существеннаго единства всего рода человѣческаго, какъ бы ни разнообразны были случайности, отличающія его племена. (*)

На этой-то сторонѣ изслѣдуемаго предмета, очень достойной всякаго вниманія, я особенно настаиваю, что одинъ Иисусъ Христосъ обязанъ самому Себѣ всеми своими совершенствами; Онъ одинъ пріобрѣлъ Себѣ послѣдователей и подражателей, дѣйствуя съ такою могущественною силою, что все племена рода человѣческаго обращаются къ покаянію и исправляются.

Обратимъ еще вниманіе на особую черту Его

(*) Wisemann. 4 Discours.

совершенства, ту, что Онъ одинъ всегда остается выше всѣхъ своихъ подражателей. Онъ совершилъ столько добродѣтелей и столь удивительныхъ, что наилучшимъ доказательствомъ Его Божественнаго достоинства служить то, что никто не могъ ни превзойти его, ни даже сравняться съ Нимъ въ этомъ отношеніи. Вліяніямъ человѣческимъ свойственно вообще прикрываться собственнымъ торжествомъ, т. е. производить поразительные эффекты, превышающіе ихъ, и пользоваться ими для собственной поддержки. Ученики бываютъ причиною того, что наставникъ остается въ забвеніи, и чѣмъ болѣе онъ пріобрѣтаетъ послѣдователей, тѣмъ больше приготовляетъ себѣ соперниковъ, а потому чувствуетъ и сознаетъ, что послѣ всего ему остается удержать за собою хотя общую силу вліянія на всѣхъ ихъ, быть, хотя случайнымъ, распорядителемъ ихъ. Іисусъ Христосъ одинъ постоянно и неизмѣнно владычествуетъ надъ своимъ твореніемъ, и какимъ твореніемъ? Изъ Него непосредственно исходятъ такіе лучи совершенства, которые отражаются до безконечности въ Его ученикахъ и сіяютъ самымъ живымъ и животворнымъ свѣтомъ въ тысячахъ характеровъ, составляющихъ, и въ великомъ, и въ маломъ украшеніе человѣчества. Сколько характеровъ, сколько героевъ и подвижниковъ, сколько великихъ святыхъ породило и воспитало для міра Христіанство! Ихъ число отнимаетъ у меня возможность называть ихъ по именамъ, а ихъ превосходство освобождаетъ меня отъ того. И что же? не смотря на то, что столько заслугъ, столько совершенствъ произошло по подражанію Іисусу Христу, служащему для нихъ единственнымъ первообразомъ, личное

совершенство этого Божественнаго первообраза остается столько же выше всѣхъ этихъ копій, сколько и неисчерпаемо ими, такъ что безумно и нечестиво было бы противопоставлять всѣ ихъ этому единственному высочайше совершенному первообразу.

Всѣ эти характеристическія черты лица Иисуса Христа такъ исключительно Ему одному свойственны и такъ рѣшительно отдѣляютъ Его отъ всѣхъ прочихъ людей, что самый холодный разумъ не знаетъ, какъ можно признавать Его за простаго человѣка, и что само невѣріе, по всей справедливости, доходить до изумленія самому себѣ и должно искать своего источника въ чемъ либо другомъ, а не въ строгихъ изслѣдованіяхъ мыслящаго ума; въ чемъ сознался и самъ Штраусъ.

Впрочемъ, во всемъ сказанномъ нами такъ много истины, что смѣло обращаемся къ нравственному чувству каждаго изъ нашихъ читателей, нисколько не опасаясь обвиненія въ преувеличеніи. Вотъ еще особенная черта выше-человѣческаго совершенства Иисуса Христа, которую мы должны раскрыть. Совершенство Его такъ существенно, полно и небытно, что весь міръ безпрекословно признаетъ его и не имѣетъ нужды оправдывать это. Никакое преувеличеніе невозможно въ Его прославленіи. О какомъ человѣкѣ можно говорить такъ, какъ мы говоримъ обыкновенно объ Иисусѣ Христѣ? Не только чувство уваженія къ истинѣ, самое самолюбіе наше, по справедливости, оскорблялось бы,—да и нельзя считать принадлежащимъ къ нашей землѣ такое лицо,—если бы къ кому относились безъ всякаго ограниченія съ такими прославленіями, какъ ко Христу. Одинъ Онъ состав-

ляетъ неисчерпаемый предметъ всякаго слова, къ Нему одному мы можемъ по совѣсти обращаться съ Божескими прославленіями. Слово: *Божественный*, употребляемое въ приложеніи къ кому либо только въ слогъ фигуральномъ, гиперболически, сдѣлалось собственнымъ выраженіемъ въ приложеніи къ Нему, и этимъ никто, даже между невѣрующими, инстинктивно не оскорбляется этимъ, не тревожится ни гордость, ни зависть человѣческая, потому что человѣчество сознаетъ, что лице Иисуса Христа выше природы человѣческой. Въ этихъ словахъ, думаемъ, мы выразили справедливо всеобщее чувство, которое служитъ блестящимъ подтвержденіемъ истинности нашей вѣры. Довольно для насъ и этихъ общностей. Да и какъ, впрочемъ, мы позволили бы себѣ смѣлость восхвалять подробно всѣ совершенства, которыя сіяютъ въ этомъ достопоклоняемомъ образѣ всякаго совершенства, когда сами Евангелисты, свѣще наставляемые, не позволили себѣ этого, а ограничились однимъ указаніемъ на Его совершенства? Какая полнота добродѣтелей и какое совершенство въ каждой изъ нихъ! Какъ всѣ онѣ сочетаются между собою, не ослабляя одна другой, и какъ проявляется каждая изъ нихъ безъ ущерба для другой,—тогда какъ наши человѣческія добродѣтели, по непонятной какой-то крайности, не рѣдко обращаются въ пороки! Въ Немъ благость безъ слабости, ревность безъ нетерпимости, твердость безъ упрямства, благопривѣтливость безъ ласкательства, преданность волю Божіей безъ унынія, терпѣніе безъ гордости, любовь безпредѣльная.

Характеръ Иисуса Христа по существу своему истиненъ и не представляетъ въ себѣ ничего пре-

увеличеннаго, ничего неприятнаго или оскорбительнаго. Въ Немъ, и только въ Немъ, можно видѣть природу человѣческую со всею естественною непринужденностію ея законныхъ движеній, и природу Божественную во всемъ величїи я безпредѣльныхъ совершенствъ. Люди достигаютъ преслѣзанія въ добродѣтели не рѣдко на счетъ истинности своей природы, насилуютъ ее, чтобы поставить ее выше самой себя, портятъ ея естественныя проявленія, и за всеѣмъ тѣмъ не дѣлаютъ свободною отъ многихъ недостатковъ и слабостей, которые безобразятъ ея принужденное величіе. Въ Иисусѣ Христѣ человѣкъ никогда не перестанетъ быть человѣкомъ, природа человѣческая въ Немъ пользуется всеѣми своими правами, но вмѣстѣ съ тѣмъ все добродѣтели раскрываются въ ней безъ слабостей, безъ недостатковъ, и тѣмъ очевиднѣе ихъ Божественное достоинство, что ими сохраняются, возвышаются и чуднымъ образомъ направляются къ совершенству все чувствованія человѣческой природы. Въ такой цѣльности и совершенствѣ этихъ чувствованій яснѣе всего видна ихъ истинная естественность; а чѣмъ совершеннѣе является эта естественность ихъ, тѣмъ очевиднѣе въ ней дѣйствіе Божества. Нравственное совершенство Иисуса Христа есть высочайшее совершенство Богочеловѣка; Онъ—совершенный Богъ и совершенный человѣкъ. Какъ Богъ, Онъ могъ говорить: *кто изъ всѣхъ обличитъ Меня во грѣхъ?* (Іоан. 8, 46); а какъ человѣкъ, могъ также говорить: *кто изъ васъ обличитъ меня въ безчувственности?* И въ совершеннѣйшемъ единствѣ этихъ двухъ состояній Онъ и познается Богомъ. Это-то собственно въ Немъ и плѣняетъ насъ, увлекаетъ, воодушевляетъ мужественною

рвѣшностію подражать Ему; отъ этого примѣръ Его жизни, при всей высотѣ Божественнаго совершенства, не приводитъ насъ въ отчаяніе. Съ Иисусомъ Христомъ можно скорбѣть и плакать, можно отклонять страданія, терпѣть грѣшниковъ, любить все достойное любви; и Руссо имѣлъ основаніе говорить: «въ характерѣ Иисуса Христа одно изъ качествъ, плѣняющихъ меня, не кротость и простота только Его нрава, но снисходительность, благопривѣтливость и даже изящество. Онъ не убѣгаетъ ни увеселеній, ни торжественныхъ собраний, ходитъ ночью, обращается съ женами, ласкаетъ дѣтей, съ удовольствіемъ принимаетъ благовонныя масти, раздѣляетъ трапезу съ мытарями. Достоинство и важность Его не были тягостны. Онъ былъ въ одно и то же время и снисходителенъ и справедливъ, кротокъ по отношенію къ слабымъ и страшенъ для закоренѣлыхъ злодѣевъ. Его нравоученіе имѣло что-то привѣтливое, плѣнительное, нѣжное, потому что сердце у Него было чувствительное и нѣжное. Онъ былъ человѣкъ самого лучшаго, какое только можно себѣ представить, общества человѣческаго. Если Онъ и не мудрѣйшій изъ смертныхъ, то по крайней мѣрѣ больше всѣхъ достоинъ любви». (*) Этимъ самымъ больше всего Онъ и обращаетъ насъ къ себѣ, убѣждаетъ и побуждаетъ стремиться къ самымъ высокимъ добродѣтелямъ, переносить изъ любви къ Нему самыя болѣзненные жертвы, даже до креста и смерти.

Сколько этихъ совершенствъ представляется теперь моему вниманію и на какомъ изъ нихъ ос-

(*) Troisième lettre de la Montagne.

становиться мнѣ, когда каждое изъ нихъ овладѣваетъ мною, возбуждаемымъ во мнѣ удивленіемъ, и я чувствую себя неспособнымъ изобразить ихъ? Стану ли говорить о Магдалинѣ или Самарянинѣ, или о женѣ блудницѣ, или о хананеянкѣ, или о сынѣ вдовы Наннской, возвращенномъ своей матери, о Лазарѣ, возвращенномъ своимъ сестрамъ, о тысячахъ народа, насыщенная въ пустынѣ, объ исцѣленныхъ больныхъ, или о дѣтяхъ, облаканныхъ и благословенныхъ, о смиренныхъ мытаряхъ призванныхъ, или гордыхъ фарисеевъ облаченныхъ; или мнѣ совершенно предаться созерцанію Его неизрѣченныхъ страданій и смерти? Вездѣ какая благодать, какая справедливость, какая мудрость, сколько умѣренности, сколько проицательности, какое поразительное совершенство, какое кроткое величіе, какое соединеніе благосниходительной истинности! Дѣйствія и слова Иисуса Христа при этихъ разнообразныхъ обстоятельствахъ обратились въ вѣчные образцы всякихъ добродѣтелей. Какъ Онъ сіяетъ, какъ Онъ выдѣляется изъ среды этого изумленного народа, этихъ лицемѣрныхъ учителей, этихъ обманчивыхъ книжниковъ, этихъ гордыхъ фарисеевъ и самыхъ учениковъ своихъ еще нетерпѣливыхъ, еще не преобразовавшихся! Какъ Онъ посрамляетъ всякое заблужденіе своею истиною, какъ уничтожаетъ всѣ хитрости своею мудростію, поражаетъ всякій порокъ своею святостію, ободряетъ всѣхъ слабыхъ своею кротостію, истощаетъ всякую злобу своимъ терпѣніемъ, является, по своей благодати, готовымъ на помощь всѣмъ страждущимъ! Ахъ! какое совершенство; — Богъ Спаситель, всеблагій Богъ!

Надобно принять во вниманіе, что все, что

дѣлаеть Иисусъ Христосъ, всякаго приводитъ въ изумленіе съ перваго раза, и никто, поставленный на Его мѣсто, — особенно изъ окружавшихъ Его, не выдержалъ бы такого образа поведенія. Одинъ, ни съ кѣмъ не совѣтуется Онъ, кромѣ самаго себя, въ Себѣ хранитъ тайну всѣхъ своихъ дѣйствій; но едва какое изъ нихъ совершилось, тотчасъ оправдывается предъ судомъ здраваго смысла всеми признаками самой справедливой мудрости и неперерѣкаемой истины. Все употребляется Имъ для наставленія и назиданія, для того, чтобы окружающимъ Его передать такую именно долю истины, которая примѣняется ко всякому данному обстоятельству, такъ что не возможно въ ней найти ничего, что обличало бы, не говорю, въ недостаточности, но даже и въ излишествѣ совершенства.

Это послѣднее замѣчаніе было уже раскрыто нами; но такъ какъ оно, по нашему мнѣнію, составляетъ отличительную черту характера Иисуса Христова, которому такъ свойственна истина и самая естественность добродѣтели; то мы сочли себя обязанными возвратиться къ нему чрезъ сближеніе, заимствуемое у Малебранша.

«Есть ли что высокопарнѣе и пышнѣе, какъ идея, составленная древнею философіею, о своемъ мудрецѣ? Не есть ли что въ сущности болѣе ея пустое и прозрачное? Составленное Сенекою изображеніе Катона такъ прекрасно, что нельзя признать его натуральнымъ; оно все слѣплено изъ гипса и румянъ, которыя имѣють цѣну только въ глазахъ людей, не изучавшихъ и не знающихъ природы. Катонъ — это человѣкъ подверженный бѣдствіямъ людскимъ, но онъ не не уязвимъ;—это

идея, кто бьетъ его, тотъ его оскорбляетъ. Онъ не имѣетъ ни прочности адаманта, котораго не сокрушаетъ и желѣзо, ни твердости скалы, которой не могутъ поколебать волны, какъ представляетъ его Сенека, однимъ словомъ, онъ—не безчувственъ. Между тѣмъ, когда бьютъ Катона по лицу, онъ не сердится, не мститъ за нанесенное оскорбленіе, но и не прощаетъ, а только съ гордостію отрицаетъ, что ему не сдѣлано никакой обиды. Ему хотѣлось, чтобы его считали безконечно выше тѣхъ, кто его билъ. Въ его терпѣніи была только гордость и надменность. Оно оскорблялось и обижалось по отношенію къ тѣмъ, кто дурно съ нимъ обходился, и Катонъ, при своемъ стоическомъ терпѣніи, замѣчалъ, что онъ смотритъ на своихъ враговъ, какъ на животныхъ, противъ которыхъ предаваться гнѣву было бы для него безчестно. Это-то презрѣніе ко врагамъ, и это непомѣрное уваженіе къ самому себѣ Сенека называетъ высшею степенью мужества: *maiori animo non agnovit, quam ignovisset*, выражается онъ, говоря объ обидахъ причиняемыхъ Катону. Какая крайность смѣшивать возвышенное мужество съ гордостію, и отдѣлять терпѣніе отъ кротости. Несравненно высшія наставленія приняли христіане отъ своего Учителя, что нечестивые въ состояніи оскорблять ихъ, а люди благочестивые, по премудрымъ намѣреніямъ Провидѣнія, предаются иногда во власть нечестивыхъ. Когда одинъ изъ служителей Первосвященника далъ пощечину Иисусу Христу, то сей Мудрецъ Христіанскій, безконечно премудрый и столько же могущественный, какъ и мудрый, призналъ, что служитель оскорбилъ Его. Онъ не предается негодованію, не мститъ за

свое оскорбленіе, какъ Катонъ; но прощаетъ, какъ потерпѣвшій дѣйствительное оскорбленіе. Онъ могъ отмстить за себя и погубить своихъ враговъ; но Онъ переноситъ все съ кроткимъ и благодушнымъ терпѣніемъ, которое необходимо ни для кого, даже и для служителя, Его оскорбившаго». (*)

И, странное дѣло, на чемъ преимущественно утверждается наша вѣра, тѣмъ особенно соблазняется въ характеръ Иисуса Христа невѣріе. Оно не можетъ признавать въ лицѣ Его Бога, потому что Онъ чувствуетъ какъ человѣкъ, доступенъ оскорбленіямъ, позволяетъ обращаться съ Собою безчестно, смиряется предъ насиліемъ человѣческимъ. Но въ семъ случаѣ выпускаютъ изъ вида два главныхъ пункта. Во первыхъ, Иисусъ Христосъ не есть просто Богъ, но *Богочеловѣкъ*; и если Ему какъ Богу, свойственно *безстрастіе* (недоступность никакимъ страданіямъ), то Ему же, какъ человѣку, неотъемлемо принадлежитъ способность страдать, и сія человѣческая способность къ страданію сочетается съ безстрастіемъ Божества, по всеблагому и всемогущему изволенію Божию: Богъ — Слово благоволилъ добровольно подчинить Себя немощамъ человѣческой природы, и Его всемогущество Божеское въ высшей степени является въ томъ, что оно само себя сдерживаетъ до того, что оставляетъ у соединеннаго съ Нимъ человечества способность его къ страданіямъ и оскорбленіямъ. Во вторыхъ, выпускаютъ изъ вида, что Богъ сдѣлался человѣкомъ для того, между прочимъ, чтобы научить человѣка святой и благочестивой жизни и представить въ себѣ самомъ со-

(*) Malebranche, Recher. de la verité. 1. II, 3-e part.

вершеннѣйшій примѣръ для подражанія, что для этой цѣли Ему надлежало явить въ своемъ лицѣ не Бога, но человѣка святой жизни. Для того, чтобы показать возможность намъ поступать какъ Онъ, Ему надлежало чувствовать такъ же, какъ и мы, безъ чего Его примѣра нельзя было бы и предлагать намъ. Если бы, напр., тогда какъ Ему нанесень былъ ударъ по щекѣ, Онъ не чувствовалъ оскорбленія, то какъ этотъ случай могъ бы послужить для нашего назиданія въ терпѣннѣи? Нужно, впрочемъ, замѣтить, что, кромѣ сказаннаго нами о соединеніи безстрастія Божескаго съ чувствительностію человѣческою въ лицѣ Иисуса Христа, Божество Его проявляется въ этой самой чувствительности тѣмъ высокимъ совершенствомъ добродѣтели, опыты которой въ ней совершаются. Человѣкъ является въ страданіяхъ, Богъ—въ совершеннѣйшемъ терпѣннѣи. Такъ Божеская святость, являющаяся въ немощахъ человѣческихъ, убѣждаетъ въ Божественности Иисуса Христа; и въ этомъ отношеніи тѣмъ очевиднѣе открывається Онъ Богомъ, чѣмъ полнѣе видимъ въ Немъ человѣка.

Невѣріе этимъ соблазняется, и по дѣломъ ему; потому что, какъ мы уже не разъ замѣтили, нужно же чѣмъ нибудь ему соблазняться, когда оно не имѣетъ твердой воли не поддаваться соблазну, когда и вѣра для сохраненія своего имѣетъ нужду въ такой твердой волѣ.

ПОЯСНИТЕЛЬНЫЯ И ПОУЧИТЕЛЬНЫЯ ЗАМѢТКИ НА 33-Й ПСАЛОМЪ.

Не довольно знать содержаніе псалма: надобно еще умѣть изводить изъ каждаго стиха назидательныя для себя мысли. Читающему псалмы надлежитъ давать просторъ уму своему, чтобъ онъ свободно обозрѣвалъ все пространство истинъ, на какія намекають рѣченія псалмовъ, и всѣмъ тѣмъ питался самъ и питалъ свое сердце. Кто останавливается на одномъ вѣдѣніи, тотъ дѣлаетъ дѣло только въ половину. Употребляется въ церкви псалтырь не для одного расширенія вѣдѣнія, а преимущественно для воспитанія духа вѣры и благочестія. Желаящій войти въ намѣренія св. церкви бери стихъ,—садись и думай, чему онъ тебя учитъ, какія истины приводитъ на память, и какъ все то можетъ быть приложено къ жизни твоей. Къ сему-то, при помощи Божіей, теперь и приступимъ.

Перваю десятистишію первая часть.

2—4.

Въ этихъ трехъ первыхъ стихахъ св. Пророкъ выражаетъ свои, полныя силы и движенія, чувства къ Богу, и не довольствуясь своимъ единоличнымъ къ Богу обращеніемъ, въ полнотѣ чувствъ, воз уждаетъ къ тому всѣхъ всѣмъ порываясь передать свое духовное благонастроеніе, и содѣлать ихъ участниками благодарнаго и хвалебнаго къ Богу возношенія.

И при небольшомъ вниманіи не трудно замѣтить слѣдующія истины, печатлѣмыя въ умѣ при чтеніи стиховъ сихъ:

1) Что должно благословлять Господа во всякое время, во всѣхъ обстоятельствахъ жизни, какъ радостныхъ, такъ и скорбныхъ. Это—долгъ покорности промыслу Божию (первое полустишіе 2-го стиха).

2) Что надобно воспитать въ себѣ выну хваленіе Бога, довести себя до того, чтобъ сердце непрестанно воз-

носило къ Богу въ молитвѣ, какъ бы это было естественное его отправленіе. Это долгъ ревнованія о совершенствѣ въ духѣ, и святое занятіе всѣхъ святыхъ и нищущихъ освященія (вторая половина 2-ст.).

3) Что все должно относить къ Богу, и всякій тѣмъ только долженъ хвалиться, что онъ—Божій; Имъ вспомошествоется и состоитъ подъ кровомъ Его (первое полустишіе 3 го ст.) Это—долгъ богопреданности и плодъ смиреннаго сознанія вседѣйствія Божія.

4) Что истинный духъ благочестія не можетъ довольствоваться единоличнымъ къ Богу обращеніемъ и вкушеніемъ духовныхъ благъ, отъ Бога исходящихъ; но общниками того стремится содѣлать и всѣхъ единомысленныхъ, чтобъ всѣ единодушно и едиными устами славили единого всѣхъ Бога. Это—долгъ братской любви (второе полустишіе 3-го ст. и 4-й ст.).

Вотъ какъ сіи мысли изводятся изъ означенныхъ стиховъ св. отцами!

1) О всегдашнемъ за все благодареніи Бога.

Ст. 2. *Благословлю Господа на всякое время.* Благословлять Господа значить благое о Немъ изрѣкать слово. Въ семь смыслѣ это тоже, что и хвалить Господа. Но обычно благословлять есть благодарить. Богоблагодареніе есть видъ молитвы, отличный отъ богохваленія. Сіе послѣднее возбуждается созерцаніемъ Божественныхъ совершенствъ и великихъ дѣлъ Божіихъ, а первое—сознаніемъ и чувствомъ Божіихъ благодѣяній намъ и всѣмъ.—Св. Давидъ благодарить только и хвалить, а не просить, — что есть третій видъ молитвы. Не просить потому, что достигъ богопреданности, такого совершенства въ духѣ, въ которомъ не докучаютъ Богу прошеніями, а только, возносясь къ Нему сердцемъ, говорятъ: Господи! Тебѣ все вѣдомо. Устрой о мнѣ, какъ угодно святой волѣ Твоей!

При словахъ: *благословлю Господа на всякое время*, — Св. Василий великій говоритъ: „Избѣжавъ смерти, Св. Пророкъ, какъ бы полагаетъ для себя уставы жизни, настроивая душу свою такъ, чтобъ ни одной минуты не проходило безъ благословенія Бога. Въ благоденствіи ли, говоритъ, буду, или въ нуждахъ и скорбяхъ, во всякое время не престану благословлять Господа, вѣруя, что все отъ Него и ничего не бываетъ по случайному стеченію обстоятельствъ.“ „Не престану пѣснословить Владыку моего, и въ благополучіи, и въ злополучіи, и преслѣдуя враговъ, и бѣгствомъ отъ нихъ спасаясь“ (Еоодоритъ). Св. Пророкъ здѣсь дѣломъ показаль, что послѣ внушалъ и Апостоль, говоря: *всегда радуйтесь, непрестанно молитесь, о всемъ благодарите* (1 Сол. 5, 16—18.).

„Видишь (Вас. вел.), какова душа св. Пророка! Непрерывныя несчастія не ослабили его благодушія и теплаго къ Богу обращенія. Изгнанъ изъ отечества, разлученъ съ женою, родными и домашними, лишенъ имущества и принужденъ скитаться, даже противъ воли попалъ въ руки враговъ и едва не растерзанъ ими. Терпя все сіе, не сказалъ онъ: гдѣ есть Богъ? И доколѣ будутъ продолжаться горести? А, напротивъ, тѣмъ самымъ еще болѣе разжигался любовію къ Богу и упованіемъ на Него. По истинѣ, на немъ совершилось то, что потомъ писалъ Апостоль: *скорбь терпніе содѣловаетъ, терпніе же искусство, искусство же упованіе* (Рим. 5, 3).—

И въ самомъ дѣлѣ, скорби для людей благонстроенныхъ суть, какъ бы, крѣпительная пища. Чѣмъ больше они терпятъ, тѣмъ становятся сильнѣе и неопредолимѣе въ борьбѣ съ непріятными случайностями въ жизни. Это есть для нихъ также и школа обученія. Симъ путемъ восходятъ они отъ силы къ силу, и достойными содѣлываются славы, которою увѣнчаетъ ихъ наконецъ Подвигоположникъ и Раздаватель вѣнцовъ. Почему они, *укорями благо-*

словаютъ, гонимы терпятъ, хулими утѣшаются (1 Кор. 4, 12. 13). Стыдно намъ въ счастіи благословлять, а въ печальныхъ и тѣсныхъ обстоятельствахъ хранить молчаніе; когда тутъ-то и слѣдуетъ болѣе благодарить, зная, что *его же любитъ Господь, наказуетъ, бьетъ же всякаго сына, его же приемлетъ* (Евр. 12, 6). А что сказать о тѣхъ, кои въ счастіи Бога забываютъ, а въ несчастіи изрыгаютъ ропотныя рѣчи!

„Посешь ты съ Давидомъ, говоритъ блаж. Августинъ: *благословлю Господа на всякое время*. Но когда это, по слову сему, будешь ты благословлять Господа? Когда Онъ благопоспѣшаетъ тебѣ во всемъ? Когда ты изобилуешь временными благами? Когда много у тебя всякаго добра, хлѣба, елея, вина, скота, золота, серебра?—Когда всѣ у тебя здоровы, и никто не умираетъ прежде времени, когда счастіе обильно изливается на домъ твой,—тогда ли только благословишь ты Господа?—Нѣтъ,—не тогда только, но во всякое время благословляй Господа. Благословляй и тогда, когда посылаются такія блага, и тогда, когда они по намѣреніямъ Божиимъ отъемлются. Ибо бываетъ и это. И тогда настаетъ бѣдность, нужда, скорбь и трудъ. Но ты, воспѣвавшій: *благословлю Господа на всякое время*,—и когда даетъ Онъ тѣ блага, благословляй, и когда отъемлетъ, благословляй. Онъ даетъ, Онъ и отъемлетъ. Но Себя самаго Онъ не отыметъ отъ тебя, если будешь благословлять Его. Такъ Іовъ не только благословлялъ Господа, когда изобиловалъ всѣмъ, чѣмъ былъ богатъ—скотомъ, слугами, дѣтьми и всѣми вещами; но и тогда, какъ взято было все это у него вдругъ и онъ исполнилъ написанное въ псалмѣ семь, говоря: *Господь даде, Господь отъятъ. Якоже Господеву изволися, тако и бысть. Буди имя Господне благословенно* (Іов 1, 21). Вотъ у кого учись во всякое время благословлять Господа“!

Легко благословлять Господа въ счастіи. Обрадован-

ное сердце подвигаетъ и языкъ на благодареніе. Но какъ возбудить въ себѣ благословеніе сіе въ горестяхъ и скорби?— Св. Апостоль, давалъ заповѣдь о всемъ благодарить, впереди ея поставилъ другую: *всегда радуйтесь* (1 Сол 5, 16—18). Вотъ и руководство намъ, чѣмъ расположить сердце къ благословенію Бога во времена скорбныя.—Надо узрѣть и ощутить въ бѣдахъ и скорбяхъ нѣчто, обрадовать могущее, то, напр., что прискорбность жизни есть знакъ особаго попеченія Божія, подобное тому, какое оказываетъ отецъ сыну, наказывая его,—что скорби и бѣды суть у Бога способы врачеванія нашего, какъ рѣзанія и прижиганія у врачей,—что тѣмъ очищаемся, и, очищаясь, становимся способными и достойными блаженствовать вмѣстѣ съ чистыми, въ такой славѣ, чаяніе которой располагать должно ни во что вмѣнять всѣ страсти нынѣшняго времени. Когда увидишь благо въ скорбяхъ, такое же или и большее, чѣмъ въ самомъ счастіи, какъ было это съ мучениками; то вселишь обрадованіе въ сердце, а отъ него тотчасъ перейдешь и къ благодаренію. Чувствами нельзя властно распоряжаться, какъ распоряжаемся движеніями тѣла. Ихъ надобно подвигать исподоволь, и возбужденіемъ одного готовить порожденіе другаго. И чувства въ отношеніи къ Богу не всѣ вдругъ рождаются, и не всѣ вдругъ восходятъ до своего совершенства, а воспитываются постепенно трудами и подвигами въ благочестной жизни. Главное здѣсь—крѣпкое и глубокое удостовѣреніе сердцемъ въ Божіемъ о насъ промышленіи,—въ томъ, что Богъ печется о насъ, какъ отецъ о чадахъ, и что потому все, что Онъ ни допускаетъ и ни устрояетъ для насъ, все то есть существенно необходимо для спасенія каждаго изъ насъ. Всему, впрочемъ, учитъ жизнь, со вниманіемъ къ себѣ и молитвеннымъ къ Богу обращеніемъ проводимая. Почему у Апостола послѣ—*всегда радуйтесь*, стоитъ: *непрестанно молитесь*, на переходѣ къ — о *всемъ благодарите*.

Дается симъ знать, что посредница всему здѣсь молитва. Она, укрѣпляясь, даетъ силу и зрѣть радостное въ скорбномъ, и изъ тѣснимаго скорбію сердца изводитъ благодарныя пѣсни Богу. Молитвенная въ Богъ жизнь вводитъ въ планы Божіи, и учитъ радостно все принимать отъ руки Господни.—

2) О выну хваленіи Бога.

Выну хвала Его во устѣхъ моихъ.—Есть ли будетъ выну хвала сія во устахъ?—Поелику онъ хвалить, то она есть. Но, начатая, она уже не прекратится. Возродилась пѣснь хвалебная въ сердцѣ,—и будетъ исходить изъ него непрестанно, подвигая къ тому и языкъ. Такова сладость, и такова сила богохваленія!

„Пророкъ (Васил. вел.), по видимому, обѣщаетъ здѣсь нѣчто невозможное. Какъ можетъ хвала Божія быть непрестанно въ устахъ человѣка? Когда разговариваетъ онъ въ обыкновенной житейской бесѣдѣ, въ устахъ его нѣтъ Божіей хвалы. Когда спитъ, хранитъ совершенное молчаніе. Когда ѣсть и пьетъ, какъ уста его произнесутъ хвалу?—Но кромѣ внѣшняго человѣка есть у насъ человѣкъ внутренней, и кромѣ внѣшнихъ устъ—внутреннія уста,—уста сердца, кои могутъ свою вести рѣчь, независимо отъ устъ внѣшнихъ“. Симъ устамъ ничто не можетъ помѣшать воспоминать о Богѣ и восхвалять Его всегда, у тѣхъ, кои проводятъ трезвенную жизнь, и внимаютъ своему сердцу. Говорилъ ли что Моусей внѣшними устами, стоя предъ моремъ? Не говорилъ. А между тѣмъ Богъ отвѣтствуетъ ему: что вопіеши ко Мнѣ?—Уста молчали, а сердце износило вопль, которой взошелъ на небо и вошелъ въ уши Божіи. Тоже и всякій можетъ дѣлать, не стѣсняясь и не отвлекаясь внѣшнимъ положеніемъ, какъ тамъ Моусей не развлеченъ былъ шумомъ и ропотомъ окружающаго народа. Тѣлесными устами должны мы славить Бога въ свое время: вечеромъ, утромъ, въ полдень. Устами же

сердечными, — умнымъ словомъ, изрекаемымъ въ сердцѣ, должно воспоминать Бога чаще, нежели дышемъ, какъ говоритъ св. Григорій Богословъ (Евѣим. Зигад).

„Мысль о Богѣ (Вас. вел.) однажды напечатлѣнная, и какъ бы печатію утвержденная во владычественной силѣ души, въ умѣ, можетъ быть названа хвалою Богу, выну пребывающею въ душѣ“. — Мысль о Богѣ истинная не можетъ не быть хвалебна ему: ибо Богъ всегда есть досто-славенъ и препрославленъ. Утверди въ себѣ сію мысль, и будешь непрестанный хвалитель Бога. И въ этомъ пророкъ даетъ тебѣ примѣръ, когда говоритъ: *предзрѣхъ Господа предо мною, яко одесную мене есть, да не подвижуся* (Пс. 15, 8). Сіе предзрѣніе Бога предъ собою есть непрестанное о Немъ помышленіе, или, иначе, хожденіе въ присутствіи Божіемъ, — норма умнаго настроенія всѣхъ ревнителей благочестія, и вмѣстѣ самое дѣйствительное средство къ преуспѣянію въ немъ. Кто утвердится въ семъ, у того и во время сна сердце бодрствуетъ, какъ сказано: *азъ сплю, а сердце мое бдитъ* (Пѣс. 5, 2); ибо (Вас. вел.) „мечтанія сна, очень часто бываютъ отголоскомъ мыслей, занимавшихъ днемъ“.

„Ревнитель (Вас. вел.) благочестія, по увѣренію Апостола, можетъ дѣлать все во славу Божію, такъ что всякое дѣйствіе, всякое слово, всякое умственное упражненіе получаютъ у него силу хвалы; ибо *аще ястъ, аще ли пїетъ, таковыи вся во славу Божію творитъ* (1 Кор. 10, 31). — И дѣла издають гласъ, какъ кровь Авелева, Гласъ сей есть мысль и намѣреніе, съ которыми творятся они. Какъ всякая вещь издаетъ свой запахъ. и по запаху узнается: такъ и дѣла наши издають то, что влагаетъ въ нихъ творящая ихъ душа. Почему, если кто все творить во славу Божію, то го дѣла издають славу Богу, Богомъ слышимую, и тотъ дѣйствительно выну хвалить Бога: ибо дѣла его не престають существовать.

Богу благодареніе о всемъ и выну хваленіе Бога, если это не частныя дѣйствія, а постоянныя расположенія и настроенія сердца суть самыя высшія степени совершенства духовной жизни, въ ея отношеніяхъ къ Богу. Поставлены онѣ у св. Давида въ началѣ, во главѣ благоговѣйныхъ чувствъ къ Богу, то какъ цѣль стремленія для душъ, жаждущихъ совершенства, то какъ обрадовательное удостовѣреніе, что подъятые труды принесли уже чаемый плодъ. Для послѣднихъ св. Пророкъ въ себѣ самомъ представляетъ примѣръ и образецъ; не сказалъ бы онъ: выну буду благословлять и хвалить Господа, если-бъ задатокъ силы, потребной для того, не носимъ былъ душою его. Расположенія къ тому двигались въ сердцѣ его, какъ созрѣлый плодъ, и дали понужденіе изречь такое великое слово, какъ взыгравшійся во чревѣ Елизаветы Іоаннъ подвигъ языкъ ея изречь соотвѣтственное слово.—Такъ видишь плодъ; но какъ положено его сѣмя, какъ сѣмя сіе прозябло, развилось, принесло цвѣтъ и потомъ плодъ, не изъясняетъ Пророкъ. Выну хваленіе есть ангельская жизнь. Сѣмя ея—въ духъ, носящемъ образъ Божій. Благодать, нисшедши, пробуждаетъ сіе сѣмя, и духъ устремляетъ къ Богу. Начинаются за тѣмъ труды и поты къ устраненію препятствій, къ необходимому въ Богѣ пребыванію. Приходитъ срокъ; труды увѣчиваются успѣхомъ, и духъ—очищенный—начинаетъ зрѣть Бога. Зрящіе Бога—чистые сердцемъ блаженны. Ублаженное же сердце, отъ избытка своего блаженства, начинаетъ хвалебную пѣснь Богу, которой никогда уже не прекращаетъ. Въ этомъ—предначатіе жизни, которая во всей силѣ будетъ явлена въ царствіи небесномъ.

Редакторъ: Протоіерей Іоаннъ Москвинъ.

Съ дозволенія цензуры 15 Февраля 1869 года.

Тамбовъ. Въ Губернской Земской Типографіи.